(*Продолжение, начало в номере 45 за 15 ноября*).

К Екатерине Андреевна Савостиной мы пришли вместе с сотрудниками Управления социальной защиты населения в Лямбирском районе. И повод для визита был вполне значимый: бабушке Кате, как ласково ее называют и родные, и знакомые, седьмого ноября исполнилось девяносто лет. Более тридцати лет она прожила в Лямбире вместе с дочерью, Валентиной Васильевной Лошкаревой.

Родители Екатерины Андреевна, Андрей Иванович и Фекла Артамоновна Вазанины, были родом из Ковылкинского района, из села Чек Полянки. В их семье росли пятеро детей, Катюша была второй по счету, потому и стала доброй помощнице матери. Хоть по дому убираться, хоть за младшими приглядывать. В положенный срок пошла учиться в школу. Занималась прилежно, хотя и нелегко давались премудрости арифметики и письма. Училась бы и дальше, да вот только одна незадача: в их Чек Полянках была лишь семилетка, с восьмого по десятый класс дети учились в Сиал – Майдане, а это три километра от их села.

- Я начала было ходить туда, да бросила, - вспоминает бабушка Катя. – Жили мы туго, ни обуви, ни одежды толком. Мама работала в колхозе за «палочки» - трудодни. Где уж тут детям обновки покупать! Вот и ходили, в чем придется, а зимой в лаптях далеко ли уйдешь! Да и те рвались часто. Так и закончились мои «университеты».

И все-таки жизнь в их Чек Полянках потихоньку налаживалась. Колхоз креп. Катя тоже работала там, помогая матери. Хоть и невелик был заработок, но все подспорье. И тут страшное известие: война.

- До сих пор помню, как отца забирали на фронт, - говорит Екатерина Андреевна. – Было это в первые же дни войны. Их тогда целой колонной отправляли на сборный пункт в город Инсар, куда мобилизованные шли пешком. Я долго вместе с другими девчонками бежала следом, сквозь слезы звала отца. Он оборачивался, махал мне рукой: мол, домой возвращайся! Знать бы, что видела его тогда в последний раз…

Первый раз мы похоронку получили в 1942-м. Мама все глаза выплакала, а потом пришло письмо: оказывается, отец был в разведке, и так случилось, что его посчитали погибшим. А он лежал в госпитале, оттуда и написал нам. Вернее, не сам писал, слишком серьезное ранение было, потому попросил помочь лечившегося вместе с ним бойца. До глубины души взволновали маму и нас, детей, эти строки. Отец словно знал, что ему не суждено вернуться, прощался с нами.

Да вот только у нас иначе вышло. В том же сорок третьем пришло еще одно черное известие: отец пропал без вести. И лишь спустя годы мы узнали правду. В тот день немцы начали подходить близко к городу, где находился военный госпиталь. Решено было эвакуировать раненых. Их вывели к берегу реки. И тут отца приметил один из наших односельчан. Вид Андрея Ивановича поразил мужчину: грязные бинты, осунувшееся, постаревшее лицо. Окликнул отца. Тот в ответ: «Сам-то кто будешь?» Не признал, видно. Сосед назвал себя и протянул отцу буханку хлеба: «На, поешь! Ведь голодный, наверно». Отец спрятал буханку под рубаху. Во только отведать того хлеба не пришлось. Раздалась команда. Раненых погрузили на баржу, в том числе и моего отца. Отчалили от берега, - продолжала рассказ Екатерина Андреевна. – Тут немецкие самолеты, бомбежка. И одна бомба как раз в аккурат накрыла их баржу. Все погибли в той кровавой каше…

Самой бабушке Кате судьба тоже послала нелегкие испытания. В 1942-м ее отправили на Суру рыть окопы.

- Мне тогда было всего тринадцать лет, - вспоминает она. – Привезли нас в деревню. Зима, мороз страшенный. Где ночевать? Хорошо хоть в одну избу пустили. Натаскали соломы, постелили ее прямо на полу, от которого несло холодом, даром, что печь в избе топилась, и так вповалку спали, грея друг друга. Утром на работу. Из обуви все те же лапти. Вот на таком холоде долбили ломами мерзлую землю. Еды никакой: только то, что из дома с собой захватили. А это сушеная и свежая картошка. С нетерпением ждали, когда из дома еще что пришлют. А что там было присылать! Голодало тогда село… Потом начался тиф. Ослабленных подростков и женщин он валил мгновенно. Много народу умерло. Меня, не иначе, Бог хранил, все перенесла. Живой домой вернулась. Но

и дома, правда, уже летом, поджидал очередной удар судьбы. Мы не успели еще толком оправиться от второй похоронки на отца, как лишились всего. Дома наши тогда стояли впритирку друг к другу, да соломой были крыты. Вот во время грозы и полыхнуло: молния ударила в один дом, от него загорелись остальные. Кое-как решили вопрос с жильем, пусть ветхий, но все же домик нам достался по наследству от брата матери. Брат ее был инвалидом, потом он жил с нами. Однако и этот дом сгорел! На этот раз пожар начался, когда взрослые были на покосе. А ребятишки, оставленные без присмотра, удумали играться со спичками. Вот опять и полыхнуло. На этот раз сгорела целая улица. И, как дополнение ко всему, отправка на торфозаготовки во Вдадимирскую область, где Екатерине Андреевне также досталось с лихвой. «Торфушки», - так звали их в народе. Вновь непосильный труд, когда по вечерам, возвращаясь в барак, они, полуголодные, ослабленные, валились без сил. Да, досталось бабушке Кате за ее долгую жизнь. И самых близких людей схоронила, и в годы войны натерпелась лиха горького. После войны долгие годы работала в колхозе: летом учетчицей, зимой – на ферме телятницей. Но все же нашла в себе силы превозмочь сыпавшиеся на нее, как из худого решета, беды. Несмотря на возраст, на перенесенные два инсульта, до сих пор сохранила полную ясность ума, подвижность.

ЕЛЕНА СЕВАСТЬЯНОВА